

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО: ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340

Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов*

С. А. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Белов, Сергей А. 2022. «Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 841–859.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401>

Несмотря на широкое распространение коммуникативного подхода к анализу права, параметры правовой коммуникации остаются в современной науке плохо описанными и малоизученными. Лингвисты и специалисты по теории коммуникации не погружены в содержание правовых категорий и правовой практики, тогда как юристам сложно выйти за пределы понятий своего дискурса. В статье представлена попытка преодолеть эти трудности и постараться, вооружившись методологией теории коммуникации, найти в правовой системе нужные характеристики, сосредоточившись на проблеме адресата правовой коммуникации. Проведя анализ содержания и условий такой коммуникации, автор приходит к выводу, что распространенная в современной лингвистике интеракционная модель ограниченно применима и в праве, которое не исходит из того, что содержание правовых актов (сообщений правовой коммуникации) задается исключительно интенцией и волей его адресанта. Интерпретация правовых актов составляет важную часть механизма функционирования права и предполагает активное вовлечение адресата, хотя, в отличие от других типов коммуникации, адресату не может быть предоставлена полная свобода в интерпретации текста, «отчужденного» от его адресанта, поскольку это составит угрозу равенства перед законом как фундаментального принципа права. Среди адресатов правовых актов можно выделить *исполнителей* правовых предписаний и *правоприменителей*. Интерпретация вторых стремится к согласованности и единообразию, вследствие чего из них фактически формируется общий *коллективный адресат*. Однако поскольку исполнение правовых

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

предписаний должно быть волевым и осознанным, сохранение роли непосредственных адресатов за исполнителями также предполагается, хотя их интерпретация правовых актов занимает подчиненное положение по отношению к интерпретации правоприменителей. В отношении ненормативных актов в большинстве случаев (кроме рецептивных односторонних сделок и обращений частных лиц в органы публичной власти) определен один, основной, адресат, тогда как круг потенциальных адресатов остается неопределенным.

Ключевые слова: правовая коммуникация, адресат коммуникации, интерпретация правовых актов, правоприменение, равенство перед законом и судом, понятность правовых актов, язык юридических документов, понятность юридического языка, юридическая лингвистика.

1. Введение

Восприятие права сквозь призму обеспечивающей его социальной коммуникации по ряду причин оказывается весьма востребованным в современной науке. Право устанавливает правила социального взаимодействия — регулирует общественные отношения, которые сопровождаются коммуникацией между людьми. Воздействие правовых норм на социальную действительность и сами социальные отношения, регулируемые правовыми нормами, опосредуются текстами, которые можно рассматривать как несомненный признак сопутствующей праву коммуникации.

Вместе с тем коммуникативный подход к описанию права остается разработанным в основном в общих параметрах, скорее в отношении коммуникативного взгляда на традиционные категории права (Поляков 2001)¹, и значительно меньше — с точки зрения теории коммуникации. Лингвисты, социологи, антропологи, которые занимаются коммуникологией, в анализе правовой коммуникации, как правило, могут учесть лишь внешнюю, видимую им, часто поверхностную сторону права, не погружаясь в то содержание, которое вкладывают в правовые нормы и правовые отношения правоведа, тогда как юристы остаются главным образом в своей системе понятий, в число которых непосредственно категории коммуникативного взаимодействия (адресант, сообщение, код, адресат) не входят. В сочинениях юристов можно встретить даже такие странные тезисы, как «принятие закона характеризуется как односторонний коммуникативный процесс» (Хук 2012, 176), явно несовместимые с подходами современной теории коммуникации. Именно поэтому работы, в которых ранее уже частично затрагивались рассматриваемые здесь вопросы², не давали удовлетворительного ответа на них.

¹ Отметим, что коммуникативная теория права А. В. Полякова предполагает не обеспечение права социальной коммуникацией, а представление самого права, правовых отношений как коммуникации (Поляков 2001).

² Прежде всего отметим статью Н. Д. Голева (Голев 2014), с тезисами которой по многим вопросам полемизирует настоящая статья, другие статьи Н. Д. Голева (Ким, Голев 2008; Голев 2006), а также статьи П. В. Лушникова (Лушников 2019), Д. Д. Мухтарова (Мухтаров 2021), диссертационные исследования Е. А. Романовой (Романова 2011) и М. Е. Воробьевой (Воробьева 2014), в некоторых аспектах — работы по «коммуникативной теории права»: уже упомянутый курс лекций А. В. Полякова (Поляков 2001) и монография М. ван Хука (Хук 2012).

Представления юристов о механизмах коммуникации, опосредованной правовыми текстами, по ряду параметров расходятся с некоторыми представлениями современной лингвистики о социальной коммуникации, главным образом в отношении того, как распределяются роли адресанта³ и адресата в формировании содержания письменного текста как коммуникативного сообщения. Как утверждает профессор Н. Д. Голев, в современной (антропоцентрической) лингвистике преобладает адресатоцентричный (или интерактивный) подход к коммуникации, тогда как юридический подход, по его мнению, строится на превалировании аутентичного толкования текста, а стало быть, на автороцентричном подходе, отдающем приоритет в определении содержания письменных правовых текстов адресантам этих текстов, при этом за адресатами не признается права на участие в формировании этого содержания (Голев 2014, 7). Очевидно, что такое утверждение в отношении правовой теории не вполне обосновано, хотя в целом нельзя не признать существования различий в подходах, сложившихся в представлениях юридической и лингвистической науки.

Н. Д. Голев справедливо отмечает, что в юриспруденции преобладает рационально-инструменталистский подход к языку, в рамках которого возможность субъективно-вариативного понимания правовых текстов рассматривается как помеха, недостаток, присущий естественному языку, влияние которого в правовой коммуникации следует стремиться уменьшить (Голев 2014, 7). В то же время, вопреки утверждениям Н. Д. Голева, правовая теория вовсе не базируется исключительно (и даже преимущественно) на аутентичном толковании правовых текстов. Выявление намерения, интенции законодателя действительно используется в качестве руководящего принципа в толковании правовых текстов, однако это не означает, что процесс такого толкования заставляет обращаться к законодателю за разъяснением содержания закона. Напротив, правовая теория предполагает интерпретацию правовых текстов применительно к конкретным ситуациям (именно это свойство правового подхода к интерпретации текста отмечал Х.-Г. Гадамер (Гадамер 1988, 384–389)) и с учетом общего контекста регулирования, в том числе всей системы законодательства. У интерпретатора правового текста остается достаточно широкая свобода усмотрения, однако эта свобода, исходя из характера правовой коммуникации, не должна быть ни произвольно-субъективна, ни безгранична. Отчуждение текста от адресанта в правовой коммуникации, безусловно, происходит, однако оно не означает (как в случае с текстом художественной литературы) полную свободу адресата в интерпретации текста, в том числе свободу применения любого, включая обыденное, толкования правовых текстов. При создании и при толковании правовых текстов не игнорируется стремление к общепонятности правовых установлений (иначе юристы давно перешли бы на искусственный язык, подобный логическим формулам), однако ограничения на реализацию этого стремления накладываются необходимостью точности и определенности содержания правовых текстов.

³ Далее в тексте будут главным образом использоваться непривычные для юристов термины коммуникативной теории «адресант» и «адресат», лишь в исключительных случаях заменяемые похожими, но не тождественными терминами «автор» (непосредственно создающий текст; автор, в особенности в правовой коммуникации, может не совпадать с адресантом, т. е. лицом, от чьего имени составляется коммуникативное сообщение) и «читатель».

Для решения ряда не только теоретических, но и практических задач необходим коммуникативный анализ права, учитывающий и лингвистический, и юридический подход к такому анализу. В частности, при исследовании вопросов понятности языка юридических документов (им посвящен научный проект, в рамках которого выполнено исследование, представленное в настоящей статье) неизбежно выяснение вопросов о сторонах коммуникации, опосредуемой правовыми документами, тогда как ни лингвистика, ни юриспруденция сегодня четкого и приемлемого ответа на эти вопросы пока не дают. Представления Н. Д. Голева о «власти» и «народе» (даже без различения субъектности народа и граждан) как основных участников правовой коммуникации (Голев 2016) не выдерживают никакой критики с точки зрения правовой теории, однако и в других публикациях, которые удалось обнаружить на эту тему, не дается характеристики сторон правовой коммуникации (во всем многообразии такой коммуникации, явно не сводимой только к той, которая опосредована законом). Между тем поиск языковых способов сделать правовую коммуникацию более эффективной, в частности обеспечить понятность и доступность содержания правовых документов тем, кому они адресованы, требует обозначения этих адресатов, их роли в коммуникативном процессе и пр.

Частично заполнить этот пробел, не преследуя цели полного исследования общих вопросов правовой коммуникации, стремится настоящая статья, которая представляет собой попытку обозначить некоторые конкретные параметры такой коммуникации. Опираясь, с одной стороны, на современные представления лингвистики (в частности, исходя из представлений о правовой коммуникации как о взаимодействии, опосредованном письменным текстом), с другой — на современную теорию права, автор статьи ставил перед собой задачу описать особенности правовой коммуникации, сосредоточив основное внимание на вопросах адресатов правовых актов как одной из сторон этой коммуникации, их роли в правовой коммуникации, а также на том, кто должен предполагаться в качестве таких адресатов.

2. Основное исследование

2.1. Что такое правовая коммуникация и какова в ней роль адресата?⁴

В контексте цели и задач настоящего исследования под коммуникацией следует понимать взаимодействие по поводу передачи информации между субъектами правовых отношений (в рамках таких отношений и за их пределами⁵), опосредо-

⁴ Исследование, результаты которого положены в основу материала данного раздела, проведены за счет средств государственного задания Санкт-Петербургского университета по проекту «Научно-исследовательский институт проблем государственного языка» (научно-исследовательская работа зарегистрирована в Центре информационных технологий и систем органов исполнительной власти (ЦИТиС), рег. № АААА-А19-119100190156-0).

⁵ Различия между правовой коммуникацией и правовым отношением состоят в том, что коммуникация состоит в обмене информацией, тогда как правоотношение, помимо такого обмена, предполагает действия, связанные с выполнением обязанностей и реализацией прав в правоотношении, т.е. в правоотношении коммуникация может составлять определенную — информационную — часть. Кроме того, коммуникация может возникать по поводу условий возникновения, реализации и прекращения правоотношений (в частности, по поводу правовых норм или сделок).

ванное текстами правовых актов⁶. Предполагается, что это взаимодействие обеспечивается созданием письменного текста; текст составляется с расчетом на то, что он имеет адресата, который будет его читать, стремиться к его пониманию и, исходя из понятого им содержания, строить либо корректировать свое социальное поведение.

Наиболее известна общая схема структуры коммуникации, предложенная Р. Якобсоном: адресант — контекст — сообщение — код — контакт — адресат (Якобсон 1975, 198). Похоже, хотя и с некоторыми отличиями в деталях, формулирует модель коммуникации У. Эко (Эко 2016, 16–20). Важно подчеркнуть: в любом случае в коммуникации предполагается, что адресант (автор) составляет сообщение в расчете на то, что адресат (читатель) будет стремиться к раскодированию его замысла, а общий для сторон коммуникации код обеспечивает соответствие закодированного адресантом и раскодированного читателем, причем текст читателя составляет самостоятельный текст, параллельный или зеркальный авторскому. Адресант может потерпеть неудачу в своем намерении, равно как и адресат может совершенно по-своему интерпретировать текст, однако это рассматривается скорее как коммуникативная неудача, сбой в коммуникации. Такой сбой сам по себе в случае с произведением художественной литературы открывает новые возможности — прочтение произведения совсем иначе, чем задумывал адресант. Он в этом случае будет не в силах реально осуществлять контроль за сохранением своего замысла, настаивая на определенном прочтении путем дополнительных пояснений, комментариев и пр. Однако к этой ситуации сознательно не стремятся ни адресант, ни адресат. Напротив, они желают, чтобы вложенный в сообщение замысел дошел до адресата и был им понят.

В этом отношении тезис Н. Д. Голева (со ссылкой на работы А. А. Потемби), что «адресат в принципе не может получить ту информацию, которую “запаковал” для него автор» (Голев 2014, 8), отрицает саму возможность коммуникации, разрывая единый коммуникативный процесс на два: написание и прочтение текста. Эти два процесса оказываются связанными только общим текстом, причем связанными исключительно механически. В этом отношении Н. Д. Голев, апеллируя к Р. Барту и его знаменитому тезису о «смерти автора» (Голев 2014, 7), идет куда дальше самого Барта и вместо тезиса о свободе читателя от интерпретации, навязываемой автором за пределами самого произведения, заявляет о свободе адресанта в любом, произвольном, самостоятельном прочтении текста. Если подобный подход может обладать определенным потенциалом в отношении восприятия и понимания художественной литературы, то абсолютно неверно распространять его на коммуникацию как таковую, и уж тем более защищать право адресата юридических текстов на совершенно свободную их интерпретацию, исходя из собственных представлений о возможном их прочтении, не ориентируясь ни на общий контекст, в рамках которого они созданы, ни на особенности юридического языка как коммуникативного субкода, ни на стремление выявить намерения адресанта текста.

⁶ Лингвисты чаще оперируют категорией «документы», юристы — категорией «акты», поскольку первая скорее делает акцент на внешней форме, вторая — на юридическом содержании. Под «правовым актом» в этом случае понимается имеющее текстуальную форму сообщение, в результате направления которого наступают какие-то последствия правового характера.

Историческую эволюцию представлений о содержании коммуникации принято рассматривать как движение от одной из трех моделей коммуникации к другой (Ким, Голев 2008, 144): от *информационной* (в рамках которой коммуникация сводится исключительно к передаче информации, непосредственно включенной в содержание сообщения) к *инференционной* (предполагающей передачу в процессе коммуникации скрытого, подразумеваемого значения как части намерения, интенции адресанта) и *интеракционной* (в рамках которой взаимодействия адресанта и адресата предполагаются адресатоцентричными до такой степени, что намерения и замысел адресанта вообще не принимаются в расчет при восприятии текста, тогда как интерпретация текста адресатом оказывается самостоятельной, равнозначной и даже приоритетной по отношению к интенции адресанта).

Н. Д. Голев полагает, что интеракционная модель коммуникации категорически несовместима с представлениями юридической науки (Голев 2014, 7), однако в этом отношении он ориентируется на поверхностные и односторонние, а также во многом устаревшие суждения юристов о правовой коммуникации.

Юридическая наука не рассматривает содержание правового текста исключительно как воплощение интенции и воли его адресанта, равно как и не предполагает в правовом тексте исключительно функцию передачи информации, хотя юридические представления о коммуникации едва ли уложатся в полной мере в то, что лингвистика рассматривает как «интеракционную» модель коммуникации.

В праве задача коммуникации рассматривается в первую очередь как воздействие на социальное (т. е. затрагивающее других) поведение людей и упорядочивание этого поведения в соответствии с теми правовыми нормами, которые транслируются правовым текстом (независимо от того, рассматриваются ли эти нормы как уже сформировавшиеся в обществе и только санкционируемые властным решением уполномоченных лиц либо как заново создаваемые таким решением). Правовая норма характеризуется тем, что устанавливает общие и одинаковые для всех правила поведения, адресованные любому и каждому, кто оказался в той социальной ситуации, на которую ориентирована данная норма, т. е. рассчитана «на неопределенный круг лиц и на неоднократное применение»⁷.

Акты правовой коммуникации могут иметь нормативный характер, т. е. содержать информацию о самой норме, а могут быть направлены на реализацию этой нормы, т. е. быть направлены на применение нормы в конкретной ситуации. Коммуникативное наполнение нормативного и ненормативного акта будет разным — и с точки зрения локуции и иллокуции, и с точки зрения перлокуции (если пользоваться терминологией теории речевых актов (Остин 1986, 83–92)), однако в любом случае планом содержания высказывания будет социальное действие, а общей иллокуцией — побуждение к воспроизведению этого социального действия в соответствии с властным волением адресанта (чаще всего вопреки воле адресата). Эти свойства акта правовой коммуникации требуют максимального ограничения свободы адресата в интерпретации содержания коммуникативного сообщения

⁷ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант-Плюс». Дата обращения 30 августа, 2022. <http://www.consultant.ru>).

(Лушников 2019, 373), поскольку возможность субъективного волевого участия адресата в конструировании содержания сообщения, формируя предпосылки для разного прочтения сообщения разными адресатами, создает риск нарушения равенства перед законом. Следовательно, цели и содержание правовой коммуникации накладывают определенные ограничения на реализацию интерактивной модели коммуникации.

Вместе с тем описанные свойства правовой коммуникации вовсе не требуют в качестве единственно возможного основания интерпретации содержания сообщения именно субъективной интенции адресанта (образное выражение «воля законодателя» в этом случае не следует понимать буквально) и не возводят в базовый принцип коммуникации доминирование намерения адресанта. Тому есть ряд объективных причин. Конструкт «воля законодателя» носит во многом условный и искусственный характер, поскольку психологическая категория воли очевидно неприменима буквально к намерениям коллективного субъекта — можно говорить лишь об условной результирующей обсуждения и голосования («общей воле») парламентских и других учреждений, не говоря уже о том, что большинство законодательных положений — результат длительного процесса не только согласования, но и последующей корректировки положений закона вносимыми в него изменениями и поправками. Современное право предполагает принятие решений не конкретными людьми, а социальными институтами, а стало быть, вместо субъективных категорий, описывающих интенцию адресанта (воли, мотивов и пр.), интенция, закладываемая в сообщение правовой коммуникации, описывается через конкретно-контекстуальные цели и задачи социального управления, содержание регуляторного воздействия, социальную политику и т. п. Даже аутентичное толкование в некотором смысле ориентируется не на субъективное намерение, вложенное в содержание сообщения, а на ту социальную цель, которую преследовал абстрактный «законодатель». Аутентичное толкование будет осуществлять тот же политический институт, но его персональный состав будет отличаться от того, который вынес первоначальное решение и выступил изначальным адресантом. А если речь пойдет о правовом акте, изданном несколько лет или даже десятилетий назад, то намерение законодателя само собой «объективизируется», поскольку осуществляющие аутентичное толкование люди будут фактически в положении не столько адресантов, сколько адресатов коммуникативного сообщения с тем только отличием от других адресатов, что их толкование окажется официальным и потому общеобязательным.

В реализации этой модели коммуникации правоведы придают гипертрофированное значение текстам правовых актов, которое, однако, не уменьшает значение их интерпретации: юридическое образование предполагает обязательное усвоение сформулированных правовой догматикой методов толкования, входящих в базовую часть юридической науки, однако правила толкования остаются вспомогательным инструментом в практической работе юриста. Лишь в наиболее радикальных правовых теориях (таких как концепция Р. Дворкина) право само по себе представляется интерпретацией. В более распространенных и практических подходах интерпретация вторична по отношению к тексту, она помогает раскрыть содержание текста, тогда как именно текст содержит то содержание права, которое действует, определяя поведение людей.

Доверие к тексту (прежде всего тексту закона) рождено из недоверия к людям: человеческие решения изменчивы, могут произвольно меняться под влиянием разных обстоятельств, эмоций, изменяющихся интересов, в конце концов, прихотей и капризов. Закон свободен от этого прежде всего потому, что он записан; а письменный текст, как верят юристы, дает надежное основание для защиты от произвольного изменения. Обращение к тексту позволяет найти объективное, независимое от воли конкретных людей выражение тех правовых норм, которые следует соблюдать. В то же время странно приписывать правовой теории веру в возможность преодоления семантической неопределенности естественного языка (Голев 2014, 8). Стремление к снижению неопределенности (причем не любой, а лишь той, которая может повлечь негативные правовые последствия, ограничение прав и т. п.) совершенно необходимо для права, однако оно ориентировано главным образом на правотворчество, тогда как адресаты правовых актов вооружаются выработанными наукой и практикой приемами и методами толкования, позволяющими минимизировать негативный эффект этой неопределенности.

Из «объективного» содержания правового текста, требующего обязательного истолкования, исходили представители большинства типов правопонимания. Далеко расходящиеся в других постулатах оказывались на сходных позициях в вопросах коммуникативной роли текста в праве такие правоведы, как Э. Бетти и Р. Дворкин, отстаивавший идею права как интерпретации (Дворкин 2020), Г. Харт, сформулировавший тезис «открытой текстуры» правовой нормы (Харт 2007), Р. Алекси, вслед за Ю. Хабермасом понимающий право как продукт рационального дискурса (Алекси 2011), и многие другие.

Разумеется, в этой системе рассуждений вовсе не предполагается, что необходимо искать «истинные» намерения законодателя, искать то, что он хотел сформулировать в законе и не сформулировал, искать не то, что есть в законе, а то, что там должно быть. В частности, Е. В. Васьковский, отечественный автор знаменитого руководства по толкованию гражданских законов, писал: «Граждане обязаны соблюдать волю законодателя лишь постольку, поскольку она воплощена в норме и обнародована, значит, задача толкования состоит в раскрытии того, что в норме выражено, а не того, что законодатель хотел в ней выразить, но не выразил» (Васьковский 1901, 24). Отправная точка для любых рассуждений⁸ — текст закона, из анализа которого конструируется «истинное намерение законодателя», представляющее собой вовсе не субъективное намерение адресантов сообщения (текста), а вписанное в систему права положение, имеющее отчетливую социальную цель. Текст, несомненно, отчуждается от его адресанта, становится объектом интерпретации, и только неюрист может обмануться, приняв за «волю законодателя» то, что думали депутаты парламента, голосуя за закон.

Разумеется, текст, который для себя сконструирует адресат, будет параллельным или симметричным по отношению к тому тексту, который конструировал адресант. Разумеется, задача правовой коммуникации — максимальное сближение текста адресанта и текста адресата. Однако из этого не следует отрицание интерпретации адресата.

⁸ В данном случае мы оставляем за скобками само значение текста закона для применения правовой нормы — преувеличенное в стратегии правового формализма и значительно меньшее в стратегии правового реализма (Тимошина 2022).

Характерно, например, что с появлением в законодательстве нового положения некоторое время юристы испытывают замешательство в отношении того, как его следует читать, и лишь когда нарабатывается практика применения (а стало быть, и толкования) нового законоположения, формируется определенное «правильное» понимание закона, обеспечивающее его единообразное применение. Закон живет в той интерпретации, которую ему дают правоприменители, и их роль в формировании содержания закона не менее важна, чем роль самого законодателя. Эта интерпретация не произвольно-субъективно формируется каждым адресатом, а становится интерсубъективным (и даже институционализированным — например, в разъяснениях высших судов) результатом определенного процесса поиска той интерпретации, которая наилучшим образом обеспечивает достижение целей правового регулирования, согласуется со всей системой законодательных положений, не приводит к очевидно абсурдному и несправедливому применению в конкретных делах и пр.

Таким образом, текст правового документа в силу самой цели и содержания правовой коммуникации несет более объективизированное и определенное содержание, однако это не означает, что он не выступает объектом интерпретации. Напротив, в современной правовой теории предполагается, что содержание правовой нормы во многом формируется в процессе ее интерпретации, и в этом отношении речь не идет о столь «автороцентричном» восприятии правовой коммуникации, и концепция «адресатоцентричности» к правовой коммуникации вполне применима, однако не так и не в таких масштабах, как в коммуникации, содержание которой возникает через литературный текст.

2.2. Круг адресатов правовой коммуникации

Описанные выше основные характеристики правовой коммуникации отчасти уже дают ответ на вопрос об участниках этой коммуникации.

Адресантом (автором) сообщения и одной из сторон коммуникации выступает лицо, от чьего имени издается правовой акт. Если оставить в стороне вопросы о несовпадении реального автора и адресанта, от чьего имени осуществляется речевой акт в правовом документе, а также сложности поиска адресанта в случае издания акта коллективным органом либо совместного акта нескольких должностных лиц — а все эти вопросы лежат за пределами предмета настоящего исследования, — то вопрос об адресанте может быть оставлен в стороне, тогда как основное внимание сосредоточивается на выявлении адресатов правовых актов.

Общий круг адресатов правовых актов распадается на две группы: в первую входят *исполнители* правовых предписаний (ими могут быть как обычные граждане либо предприниматели, так и должностные лица, которые своими действиями непосредственно реализуют предписания, содержащиеся в правовых актах); вторую образуют *правоприменители* — те, кто наделен властными полномочиями по вынесению решений о соответствии или несоответствии действий исполнителей положениям правовых актов (как нормативных, так и непосредственно устанавливающих обязанности для конкретных лиц).

Первую группу, исполнителей, можно описать как всех субъектов (участников) правовых отношений, не обладающих властными полномочиями. Правовые отношения могут складываться между частными лицами (гражданами и — формаль-

но — юридическими лицами, представленными в реальности теми, кто действует от их имени), а также между частными лицами и представителями власти. В частных правоотношениях (с участием исключительно частных лиц) любой участник правоотношения не может навязывать другим участникам свою интерпретацию содержания правового акта. В публичных правоотношениях невластная сторона (частное лицо) этого также не может делать, в результате очевиден вывод, что положение частных лиц как адресатов правовых актов отличается с точки зрения их роли в правовой коммуникации от положения властных субъектов. Указанное различие отражается на коммуникативной (языковой) компетенции: в отношении частных лиц предполагается, что никакими специальными знаниями ни юридического языка, ни правовых принципов и норм они не обладают и при уяснении содержания правовых актов ориентируются на свой обыденный языковой опыт.

В роли властных субъектов выступают те, кто обладает определенными знаниями в области права и компетентностью в части их интерпретации, — их можно условно обозначить профессиональными участниками правовой коммуникации, — они относятся ко второй группе адресатов, к правоприменителям — должностным лицам органов власти и судьям. Их интерпретация содержания правового текста рассматривается как обязательная (в силу их властных полномочий), хотя и она не имеет окончательного характера: решение должностного лица может быть пересмотрено судьей, а решение судьи — вышестоящим судом.

Конкуренция интерпретаций, не способных мирно сосуществовать (в отличие от интерпретаций других текстов, например художественных произведений), и предопределяет те особенности правовой коммуникации, которые могут казаться лингвистам (и, судя по работам Н. Д. Голева, действительно кажутся) очень странными. В праве возникает стремление к «правильной» интерпретации и необходимости ее официального закрепления. Интерпретация адресата — и в этом отношении нельзя не увидеть воплощение в юридической практике как раз интеракционной модели коммуникации — становится способом формирования содержания коммуникативного сообщения. В то же время вразрез с лингвистической теорией интеракционной модели коммуникации, сформулированной на материале, отличном от правового, юридическая практика стремится к дискурсивно формируемой (в профессиональных обсуждениях разного рода — от дискуссий в судебных заседаниях до научных конференций и семинаров, — а также с помощью актов разъяснения законодательства и актов обобщения судебной практики) единой скоординированной интерпретации, необходимой для единообразного применения закона, которое обеспечивает равенство в юридических правах и обязанностях. В силу этой особенности формируется специфический именно для правовой коммуникации *коллективный адресат* (не охватывающий тем не менее всех адресатов, поскольку остаются еще исполнители), который стремится к выработке своей согласованной интерпретации коммуникативного сообщения (содержания правового акта).

Своего рода аналогию можно провести, сравнив исполнителей правовых предписаний с читателями художественных текстов, а правоприменителей — с критиками этих текстов. Если читатель имеет возможность любого собственного, даже самого неожиданного и оригинального, прочтения произведения, не будучи связанным необходимостью как-то объяснять и тем более обосновывать свое прочтение, то критик, хотя и не обязан следовать именно авторской интенции, заложенной

в текст, тем не менее должен на что-то опираться, как минимум на общий контекст создания произведения, его скрытые и явные связи с другими произведениями, его стилевые, языковые и другие особенности, демонстрирующие интенции адресанта и раскрывающие его замысел. Критики и правоприменители отличаются от читателей и исполнителей как адресаты коммуникативных сообщений: не они непосредственно подразумеваются адресантами текстов как адресаты, они в определенном смысле «перехватывают» роль адресатов, встраиваясь в структуру коммуникации как интерпретаторы, со-участвующие с адресантами в формировании содержания текстов, а иногда и подменяя интенцию адресанта своей интерпретацией.

Единственное различие в этой аналогии между критиками и правоприменителями состоит не в основаниях и подходах к интерпретации, а в последствиях — в том, что интерпретация критика не будет рассматриваться как «правильная» и не будет иметь практических последствий в виде обязательного воплощения этой интерпретации в реальном поведении (с угрозой наказания за отклонение), в отличие от интерпретации правоприменителя. Соответственно, некая результирующая мнений критиков (общее из разных мнений) тоже формируется, однако ее фиксация и закрепление не требуются.

Принудительная реализуемость интерпретации правоприменителя (свобода интерпретации исполнителя де-факто ограничена тем, что она принудительно не реализуема и будет при необходимости скорректирована интерпретацией правоприменителя) не позволяет давать ему свободу и принимать любое прочтение им правового текста, так как субъективность, произвол и вариативность входят в конфликт с одним из базовых принципов права — стремлением к тому, что каждому адресату правового предписания была предоставлена одинаковая мера свободы и на него были возложены одинаковые обязанности.

Нет оснований считать равной по значимости интерпретации правоприменителя обыденную языковую интерпретацию текстов правовых актов непрофессиональными участниками общественных отношений (частными лицами). Этот вопрос особенно беспокоит тех, кто, руководствуясь лингвистической логикой (например, Н. Д. Голев), уравнивает значимость интерпретации любых адресатов правовых актов, апеллируя к политическим правам частных лиц как граждан — участников системы публичной власти.

Такие утверждения вдвойне некорректны.

Во-первых, в качестве лиц, имеющих право на участие в реализации публичной власти, граждане могли бы претендовать на то, чтобы выступать на стороне адресанта (автора) правовых актов, если бы существующий сегодня механизм осуществления власти не ограничивал формы их прямого, непосредственного участия. Законы издаются от имени и в интересах граждан, но участвовать в их составлении граждане могут, как правило, лишь через своих представителей (кроме особых форм непосредственного участия — референдума, общественной инициативы⁹ и других индивидуальных и коллективных обращений в органы публичной власти). «Диалогичность» со стороны граждан как адресатов правовых актов и исполнителей содержащихся в них правовых предписаний не имеет форм реализа-

⁹ Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”».

ции, которые соответствовали бы принципам и системе правового регулирования, а потому практически неосуществима. Диалог в прямом смысле в этой коммуникативной ситуации вряд ли возможен, поскольку не очень понятно, каков статус высказывания гражданина в таком «диалоге», если его положение в правовой коммуникации не симметрично положению другой стороны (когда речь идет о нормативных актах либо отношениях с органами публичной власти), они не могут «поменяться местами», как это происходит при устной диалогической коммуникации. Реакция на сообщение, транслируемое органами власти, выражается скорее в поведении: гражданин поступает так, как он понял и воспринял содержание сообщения — предписание адресованной ему юридической нормы.

Во-вторых, способность к пониманию коммуникативного сообщения, содержащегося в правовом акте, не сводится исключительно к языковой, а включает в себя также экстралингвистическую компетенцию, как минимум наличие способности представить себе социальную ситуацию, служащую референтом сообщения (планом содержания), а также способности прочесть сообщение в общем социальном и, что не менее важно, юридическом контексте, в том числе учесть содержание других правовых актов, сложившуюся правоприменительную интерпретацию. Под юридическим контекстом подразумеваются системные связи правового акта со всей остальной системой правового регулирования.

Кроме того, в рамках лингвистической теории вполне очевидно, что текст, составленный исходя из особых правил субкода юридического языка, может прочитываться с использованием лишь того же субкода, иначе коммуникация не состоится. Способен ли законодатель отказаться от особого юридического языка и перейти на субкод быденного языка — вопрос, требующий ответа на ряд других вопросов: в чем состоят отличия этого языка от быденного (и в лексике, и в синтаксисе), в чем причина формирования этих отличий, каковы цели и функции такого языка и реализуемы ли они в быденном языке¹⁰.

С одной стороны, законодатель продолжает балансировать, как уже было упомянуто, между составлением правовых актов на естественном языке, чтобы сохранить общепонятность текстов этих актов, и стремлением к преодолению вариативности прочтения, многозначности и неопределенности естественного языка. С другой стороны, частные лица, не обладающие специальными языковыми компетенциями, отчетливо признаются несущими обязанности по исполнению предписаний правовых актов, а в силу признания за ними права действовать осознанно и по своей воле они должны иметь возможность понять содержание правового акта, т. е. оставаться непосредственными участниками правовой коммуникации.

Современная правовая теория не содержит каких-либо положений, предусматривающих или хотя бы допускающих исключение исполнителей (частных лиц) из числа адресатов правовой коммуникации, и в то же время их роль адресатов,

¹⁰ Позиция Н. Д. Голева в этом отношении кажется странной: проблему отстранения адресата, располагающего компетенцией лишь быденного филологического толкования, от толкования закона он предлагает решать созданием упрощенной, адаптированной к быденному языку версии юридических текстов, что вряд ли может быть приемлемым решением. При таком «переводе» неизбежна потеря значимого юридического содержания, в особенности если на основе адаптированного варианта правовой текст будет интерпретироваться применительно к конкретной ситуации — именно нюансы, значимые в этой ситуации, могут выпасть при адаптации, и толковать закон по его упрощенной версии едва ли будет возможно. Явно решение должно искаться в другой плоскости.

прежде всего в отношении участия наряду с адресантом в формировании содержания коммуникативного сообщения путем его интерпретации, значительно отличается от роли других адресатов — правоприменителей.

2.3. Адресаты разных типов правовых документов

Многообразие адресатов в правовой коммуникации не ограничивается описанным выше. Правовая коммуникация весьма разнообразна, и структурировать ее описание, видимо, проще всего через типы тех документов, которыми она пользуется как способом передачи сообщений.

Сложность в этом случае возникает с тем, как очертить границы собственно правовой коммуникации, другими словами — какие тексты могут рассматриваться как правовые. Попробуем использовать упомянутое ранее описание: акты правовой коммуникации либо могут нести информацию о правовой норме (общеобязательном правиле поведения, рассчитанном на неопределенный круг лиц и на неоднократное применение), либо обеспечивают реализацию нормы в общественном отношении, урегулированном такой нормой, — содержат информацию о правах и обязанностях участников правоотношения, об исполнении или неисполнении этих обязанностей и реализации прав либо каким-то иным образом обеспечивают реализацию правовой нормы в конкретной ситуации (сообщают или закрепляют наступление события, с которым связаны определенные правовые последствия для участников правового отношения). Руководствуясь этим общим подходом, можно выделить следующие категории актов правовой коммуникации: 1) нормативные акты; 2) договоры; 3) односторонние действия, имеющие правовые последствия¹¹: а) односторонние сделки и другие действия, последствия которых лежат в отношениях между частными лицами, например дача согласия на обработку персональных данных; б) обращения частных лиц к властным субъектам; в) ненормативные акты властного характера, издаваемые лицами и органами публичной власти (в том числе судебные решения). Такая классификация вполне естественна и привычна для любого юриста, в то время как критерии, положенные в ее основание, касаются и круга адресатов каждого из этих актов правовой коммуникации.

Наиболее широк и — хуже того — расплывчат и неопределенен круг адресатов *нормативных актов*, включая законы. Именно в отношении нормативных актов актуальна обозначенная выше проблема включения в число их коммуникативных адресатов частных лиц — исполнителей предписаний правовой нормы. С одной стороны, именно они своими действиями исполняют предписания, с другой — их интерпретация, соучастие с адресантом в формировании содержания сообщения признается допустимой лишь до тех пор, пока она не будет скорректирована другой интерпретацией, сформулированной правоприменителем, и потому не может до конца считаться полноценным вкладом в содержание коммуникации. Частных лиц — адресатов нормативных актов — также можно дифференцировать по уровню их коммуникативной компетентности, выделив профессиональных участников

¹¹ В дополнение к приведенным трем видам этих действий можно привести также: 1) акты голосования; 2) действия, фиксирующие в письменном документе (например, в протоколе) фактические обстоятельства. Их коммуникативная характеристика затруднительна и требует более подробного исследования.

соответствующих социальных отношений, к которым предъявляются требования определенной подготовки (например, профессиональные участники рынка ценных бумаг, оценщики и пр.). Это выделение значимо для оценки того, насколько приближенным к обыденному языку должен быть язык нормативного акта (максимально близким в случае ориентированности на широкий круг непрофессиональных адресатов), однако мало сказывается на содержании коммуникации.

Неочевидно выявление адресатов *договоров* как актов правовой коммуникации. Договор оформляет взаимодействие его сторон, фиксирует их взаимные права и обязанности. Если договор заключается (как это предусмотрено, например, в части первой Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ст. 432–443) путем последовательного направления оферты и акцепта, у каждого из этих документов есть очевидный адресат — другая сторона договора. Однако если (и такое бывает гораздо чаще) договор составляется в виде одного документа, фиксирующего договоренности его участников и подписываемого этими участниками, то оба его участника применительно к такому документу будут выступать сразу и адресантами и адресатами. Исключить их из числа участников коммуникации было бы странным, поскольку договор транслирует им содержание их прав и обязанностей, зафиксированных в договоре, и в то же время договор становится итогом предшествующих его заключению переговоров об его условиях, результирует преддоговорную коммуникацию. В то же время адресатом договора могут выступать третьи лица, на отношения с которыми в том или ином виде способен повлиять договор, — от супругов сторон, у которых в связи с его заключением в силу закона наступают определенные имущественные последствия и которые должны предварительно давать согласие на это, до судей, которые будут рассматривать споры, возникающие в связи с (не)исполнением договора. Круг таких третьих лиц как адресатов договоров во многом (за исключением тех случаев, когда закон обязывает уведомлять третьих лиц, для которых договор может иметь определенные последствия, например, ст. 667 части второй Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ обязывает уведомлять продавца о том, что приобретаемая у него вещь будет передана конкретному лицу по договору лизинга в аренду) неясен заранее и ситуативен — он может меняться в зависимости от наступления разных событий и совершения разных действий.

Кроме того, в теории права наряду с обычными принято отдельно выделять нормативные договоры. Как правило, это договоры публичного субъекта, с помощью которых он реализует свои властные полномочия, например международный договор государства. Они не попадают под действие правового принципа, действующего для договоров частных лиц: из договора не могут возникать обязанности тех, кто не является стороной этого договора. В отношении адресатов нормативных договоров справедливо все сказанное выше для нормативных актов.

У *односторонних действий*, имеющих правовые последствия, круг адресатов тоже может быть неопределенным. В теории гражданского права односторонние сделки принято делить на требующие и не требующие восприятия («рецептивные» и «нерецептивные») (Поваров 2021). К последним относится большинство односторонних сделок, кроме завещаний, публичных обещаний награды, решений об учреждении юридического лица и отказов от права собственности. Для рецептивных сделок есть по крайней мере один четко определенный адресат; другие лица могут рассматриваться лишь как потенциальные адресаты — на случай, если их в том или

ином виде коснутся правовые последствия такой сделки. Для нересептивных адресат неочевиден: даже для завещания наследники, получающие по нему право наследования, не исчерпывают круг адресатов, который включает также всех, кто хотел бы (или предполагался бы в случае наследования по закону) стать наследником, не говоря уже о других нересептивных сделках, примеры которых были приведены выше.

Кажется очевидным адресат *обращения* частного лица к органу власти — это уполномоченное должностное лицо такого органа. Однако эта очевидность обманчива, поскольку фигура должностного лица, обязанного рассмотреть обращение и отреагировать на него, может быть неизвестна не только заявителю, но и — вследствие неопределенности в распределении полномочий — получателям этого обращения. Кроме того, обращение подается не лицу, а в уполномоченный орган. Редко когда от имени органа может действовать только одно лицо. Формальным адресатом выступает орган как юридическая фикция, которую, в отличие от реального адресата — конкретного человека, — нельзя наделить коммуникативными компетенциями. Гражданин получает ответ вовсе не от того должностного лица, которому он адресовал свое обращение, и даже не от того, кто в действительности принял решение по существу его обращения, а от того, кому было поручено дать на него ответ. Получается, что одна сторона коммуникации, а именно адресат обращения, в этом случае обезличивается. Едва ли подобный обезличенный адресат даже сторонники реализации интерактивной модели в правовой коммуникации решатся наделить со-участием в формировании содержания коммуникативного сообщения и широким усмотрением в интерпретации его содержания, настаивая на том, что содержание сообщения должно предопределяться намерением его адресанта.

Наконец, адресат *ненормативных актов властного характера*, издаваемых лицами и органами публичной власти (в том числе судебных решений), относительно определен. У подобных актов, как правило, есть тот адресат (гражданин или организация), у которого вследствие издания данного акта возникают конкретные права или обязанности. Это могут быть решения о предоставлении социальной помощи, права управления транспортным средством или приговор по уголовному делу, назначающий наказание подсудимому. Если речь идет о судебном решении, то адресатом выступают прежде всего стороны судебного разбирательства, спор между которыми суд разрешает и сообщает им об этом. Вместе с тем *потенциальными* адресатами, как и во многих других случаях, становятся любые лица, которые должны учитывать наличие вынесенного решения, придавать ему правовые последствия и обеспечивать его реализацию, например судебные приставы-исполнители, причем именно они (если речь идет о представителях публичной власти), а вовсе не непосредственные адресаты таких правовых актов будут интерпретировать содержание этого акта как коммуникативного сообщения, играя ту же роль, которую в интерпретации нормативных актов играют правоприменители.

3. Выводы

Вопреки широко распространенному и в юриспруденции, и в политическом дискурсе представлению о содержании закона как выражении «воли законодателя» не следует рассматривать содержание сообщений правовой коммуникации как

заданное исключительно интенцией и волей его адресанта. Интерпретация любого правового акта составляет важную часть общего механизма функционирования права и предполагает вовлечение адресата в формирование содержания этого коммуникативного сообщения. Вместе с тем принципы права (и прежде всего принцип равенства перед законом и судом) не позволяют в правовой коммуникации воплотить ту модель, которую современная лингвистика обозначает как «интеракционную», предоставляющую адресату полную свободу в интерпретации текста. Свобода восприятия, субъективность и вариативность определения сообщения адресатом ограничены необходимостью координации его интерпретации с интерпретацией других адресатов.

Среди адресатов правовых актов есть *исполнители* правовых предписаний, которые непосредственно выполняют эти предписания, и *правоприменители*, обладающие властью оценивать это выполнение на основе интерпретации правовых актов. Интерпретация правоприменителей стремится к единообразию (чтобы не нарушать равенство перед законом) через профессиональные обсуждения и некоторые юридические институты (официальные разъяснения и обобщения судебной практики высшими судами), вследствие чего в правоприменителях можно обнаружить *коллективный адресат* правовой коммуникации.

Наличие коллективного адресата правоприменителей не означает, однако, исключения из числа адресатов правовой коммуникации исполнителей — частных лиц. Поскольку исполнение ими правовых предписаний должно быть волевым и осознанным, предполагается их непосредственное участие в правовой коммуникации в качестве адресатов. Их отличие от адресатов-правоприменителей сводится к тому, что их интерпретация правовых актов не скоординирована и занимает подчиненное положение по отношению к интерпретации правоприменителей.

Анализ различных видов правовых актов показывает, что в отношении ненормативных актов в большинстве случаев (кроме нерцептивных односторонних сделок и обращений частных лиц в органы публичной власти) определен один, основной, адресат, тогда как остается неопределенным круг потенциальных адресатов, которые должны учитывать наличие вынесенного решения, придавать ему правовые последствия и обеспечивать его реализацию, например судебные приставы-исполнители, причем именно они (если речь идет о представителях публичной власти), а вовсе не непосредственные адресаты таких правовых актов будут интерпретировать содержание этого акта как коммуникативного сообщения, играя ту же роль, которую в интерпретации нормативных актов играют правоприменители.

Библиография

- Алекси, Роберт. 2011. *Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму)*. Пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа.
- Васьковский, Евгений В. 1901. *Гражданское право. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов*. Одесса: «Экономическая» типография.
- Воробьева, Марина Е. 2014. «Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка)». Дис. ... канд. филол. наук, Кемеровский государственный университет.
- Гадамер, Ханс-Георг. 1988. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. Пер. с нем. М.: Прогресс.

- Голев, Николай Д. 2006. «Правовая коммуникация в зеркале естественного языка». *Юрислингвистика* 7: 8–39.
- Голев, Николай Д. 2014. «Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста». *Вопросы когнитивной лингвистики* 2 (39): 5–15.
- Голев, Николай Д. 2016. «Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации». *Динамика языковых и культурных процессов в современной России* 5: 132–136.
- Дворкин, Рональд. 2020. *Империя права*. Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара.
- Ким, Лидия Г., Николай Д. Голев. 2008. «Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма». *Сибирский филологический журнал* 1: 144–153.
- Лушников, Павел В. 2019. «Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект». *Вестник Удмуртского университета* 29 (3): 369–378.
- Мухтаров, Долгат Д. 2021. «Теоретические аспекты правовой коммуникации. Лучшая научная работа 2021». *Сборник статей II Междунар. науч.-исслед. конкурса*: 159–161. Пенза: Наука и просвещение.
- Остин, Джон Л. 1986. «Слово как действие». *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: *Теория речевых актов*, 22–129. М.: Прогресс.
- Поваров, Юрий С. 2021. «Разграничение сделок на требующие и не требующие восприятия: основания и значение». *Правовое государство: теория и практика* 17 (1): 160–176. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.1.13>
- Поляков, Андрей В. 2001. *Общая теория права*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Романова, Екатерина А. 2011. «Правовая коммуникация: общетеоретический анализ». Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия.
- Тимошина Елена В., ред. 2022. *Стратегии судебного толкования и принципы права*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Харт, Герберт Л. А. 2007. *Понятие права*. Пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Хук, Марк ван. 2012. *Право как коммуникация*. Пер. с англ. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, Университетский издательский консорциум.
- Эко, Умберто. 2016. *Роль читателя: исследования по семиотике текста*. Пер. с англ. и ит. М.: АСТ, Corpus.
- Якобсон, Роман, 1975. «Лингвистика и поэтика». *Структурализм: «за» и «против»*, 193–230. М.: Прогресс.

Статья поступила в редакцию 9 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 5 сентября 2022 г.

Контактная информация:

Белов Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доц.; s.a.belov@spbu.ru

Characteristic of legal communication: Addressees of legal acts*

S. A. Belov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Belov, Sergei A. 2022. “Characteristic of legal communication: Addressees of legal acts”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 841–859. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401> (In Russian)

While the communicative approach to the law is spread widely today, characteristic of legal communication are still purely described and weakly researched. Linguists and experts in

* The reported study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00525 “Understandability of the official Russian: legal and linguistic issues”.

theory of communication are not involved in discourse of legal notions and practice of law, whereas jurists are not ready to step out of this discourse. This article represents an attempt to overcome these difficulties and to find in law necessary parameters (focusing on the figure of addressee), being equipped with the methodology of communication theory. Resuming analysis of the substance and conditions of legal communication, the author concludes that recognized in the contemporary linguistic interaction model of communication with some limits are applied to the legal communication. Law does not suppose that content of legal acts (messages of legal communication) is determined solely by intention and will of addresser. Interpretation of legal acts is an important part of the mechanism of law and it needs active involvement of addressee, though unlike in communication of other types, the addressee cannot enjoy the full freedom of interpretation of text, aliened from the addresser. In law, this would raise a risk of violation the equal protection — fundamental principle of law. Addressees of legal acts are either executors or enforcers of legal prescriptions. Interpretation of enforcers tends to be coordinated and unified, leading to forming of collective enforcing addressee. Anyway, the execution of legal prescriptions is to be volitional and conscious, therefore the executors should keep the role of direct addressees as well, though their interpretation of legal acts will be subordinated to that of enforcers. The non-normative acts in the most cases (excluding non-reception one-sided deals and private applications to public authorities) have one main addressee, while the circle of potential addressees remains indefinite.

Keywords: legal communication, addressee of communication, interpretation of legal acts, law-enforcement, equal protection principle, language of legal documents, intelligibility of legal acts, intelligibility of legal language, legal linguistics.

References

- Aleksi, Robert. 2011. *The concept and validity of law (a reply to legal positivism)*. Rus. ed. Moscow, Infotropik-Media Publ. (In Russian)
- Austin, John L. 1986. "Word as an action (How to do things with words)". *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Iss. 17: *Teoriia rechevykh aktov*, 22–129. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Dworkin, Ronald. 2020. *Law's Empire*. Rus. ed. Moscow, Institut Gaidara Publ. (In Russian)
- Eco, Umberto. 2016. *The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts*. Rus. ed. Moscow, AST Publ., Corpus Publ. (In Russian)
- Gadamer, Hans-Georg. 1988. *Truth and method: Foundations of philosophical hermeneutic*. Rus. ed. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Golev, Nikolay D. 2006. "Legal communication in the mirror of natural language". *Jurilingvistika* 7: 8–39. (In Russian)
- Golev, Nikolay D. 2014. "Commonplace philologic interpretation of text of law as a component of legal communication: A view of a linguist". *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* 2 (39): 5–15. (In Russian)
- Golev, Nikolay D. 2016. "Language of law and linguistic expertise of a bill in the light of legal communication". *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii* 5: 132–136. (In Russian)
- Hart, Gerbert L. A. 2007. *Concept of Law*. Rus. ed. St Petersburg, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Hoecke, Mark van. 2012. *Law as communication*. Rus. ed. St Petersburg, St Petersburg University Press, Universitetskii izdatel'skii konsortium Publ. (In Russian)
- Jakobson, Roman. 1975. "Linguistic and poetics". *Strukturalizm: "za" i "protiv"*, 193–230. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Kim, Lidia G., Nikolay D. Golev. 2008. "On relations of addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism". *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 1: 144–153. (In Russian)
- Lushnikov, Pavel V. 2019. "Legal communication and its participants: Theoretical aspect". *Vestnik Udmurtskogo universiteta* 29 (3): 369–378. (In Russian)
- Mukhtarov, Dolgat D. 2021. "Theoretical aspects of legal communication. The best research paper 2021". *Sbornik statei II Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa*: 159–161. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ. (In Russian)

- Poliakov, Andrei V. 2001. *General theory of law*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Povarov, Yuriy S. 2021. "Classification of deals as requiring and not requiring perception: Grounds and meanings". *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika* 17 (1): 160–176. <https://doi.org/10.33184/prav-gos-2021.1.13> (In Russian)
- Romanova, Ekaterina A. 2011. "Legal communication: general theoretical analysis". PhD Thesis in Law, Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia. (In Russian)
- Timoshina, Elena V., ed. 2022. *Strategies of judicial interpretation and principles of law*. St Petersburg, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Vas'kovskiy, Evgeniy V. 1901. *Civilistic methodology*. Part 1: *The doctrine of interpretation and application of civil laws*. Odessa, "Ekonomicheskaiia" tipografiia Publ. (In Russian)
- Vorob'eva, Marina E. 2014. "Interpretational functioning of legal language in the commonplace mentality (on the materials of interpretation of legal terms by ordinary Russian native-speakers)". PhD Thesis in Philology, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Received: June 9, 2022
Accepted: September 5, 2022

Author's information:

Sergei A. Belov — PhD in Law, Associate Professor; s.a.belov@spbu.ru